

целью которых было бы установление единых закономерностей и общих явлений в фольклоре, путей и границ заимствования, конкретных форм общих фольклорных традиций нескольких народов, региональных изменений и творческих переделок, какие возникают в ходе миграции сюжетов и мотивов; так же как и формул и других выразительных средств и т. д. — прежде всего необходима весьма обширная предварительная работа; только при систематизации и классификации материала могут быть осуществлены надежные и полные сравнительные исследования» (стр. 61).

Можно лишь пожелать югославским фольклористам успехов в этой их работе, результаты которой будут иметь значение для сравнительно-исторического исследования всего славянского эпоса.

Б. Путилов

НАРОДЫ СССР

Э. В. Померанцева. *Судьбы русской сказки*. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, М., 1965.

История народного поэтического творчества продолжает оставаться одной из актуальных проблем, волнующих современную советскую и прогрессивную зарубежную науку.

Попытки охватить исторический процесс развития народного творчества в целом и наметить его периодизацию, предпринятые в начале 1950-х годов, сменились в работах последнего десятилетия настойчивым изучением истории отдельных жанров народной поэзии. За истекшее десятилетие советская наука обогатилась исследованиями о героическом эпосе, причитаниях, исторической песне на раннем и более позднем этапе ее развития, о песне бытовой и т. д.

В русле этих исследований должна рассматриваться и рецензируемая книга о судьбах русской сказки, которой за последние годы уделялось меньше внимания. Э. В. Померанцева поставила целью изучение сказки, начиная с XVIII в. и до настоящего времени.

Книга состоит из введения, пяти глав, каждая из которых посвящена определенному периоду (гл. I — Русская сказка в XVIII в.; гл. II — Русская сказка в первой половине XIX в.; гл. III — Русская сказка в пореформенную эпоху; гл. IV — Русская сказка в начале XX в.; гл. V — Традиционная русская сказка в устах советских сказочников), и Заключения, где формулируются общие выводы исследования. Главы не одинаковы по объему и содержанию, что объясняется наличием и объемом материала сказки в разные периоды (скудные записи, подвергавшиеся нередко литературной обработке в XVIII — и начале XIX века, богатый материал второй половины XIX — и, особенно, XX столетия), но отчасти и общей установкой исследовательницы, изучающей не отдельные виды или сюжеты сказок в их изменении от XVIII в. до современности, но главным образом стремящейся воссоздать ту общую картину, которая возникает в результате интенсивного собирания и исследования русской сказки за последние сто лет. Задачу свою автор книги видит в изучении тех процессов, которые происходят в жизни жанра за это время и тех закономерностей, которыми эти процессы обусловлены.

Разрешая поставленную перед собою задачу, Э. В. Померанцева достигла несомненного успеха. Залогом его явился богатейший материал сказочных текстов, старательно выделенных из книжных источников XVIII в., число которых исследовательнице удалось расширить (сборники С. Друковцева, Е. Хомякова и др.), из собраний начала XIX в., фольклорных сборников последующих периодов и рукописных хранения, в том числе и архива МГУ 1945—1960 гг., созданного при активном участии самой исследовательницы. Большое значение имело также прекрасное знание автором условий и характера бытования сказки в устной традиции различных областей и районов РСФСР, которые неутомимо обследовались ею на протяжении тридцати с лишним лет.

Изучение всех этих источников позволило нарисовать полную, верную картину жизни русской сказки в традиции XIX—XX вв. Удачно сочетаются в книге наблюдения над характерными явлениями жизни сказки в той мере, как они проявились в массовом бытовании ее и в исполнительской манере отдельных сказочников, типичных выразителей мировоззрения крестьянской массы того или иного периода (Новопольцев, Богданов, Ковалев). Помимо основной задачи, в книге Э. В. Померанцевой затронуты и некоторые другие, важные для современного сказковедения вопросы, например — о типологической общности и национальном своеобразии отдельных сюжетов сказки. Изучение его на материале разных видов и образов сказки могло бы многое открыть в истории жанра в целом. В данной книге анализируется один только сюжет — «Никола-Дупленский», А. № 1380 (Введение, стр. 13—18), причем исследовательнице инте-

ресует не только типологическая общность, но и национальное своеобразие трактовки, связанное со спецификой условий жизни того или иного народа.

Бегло затронут в книге также интересный вопрос о взаимоотношении сказки народной со сказкой литературной и другие. Все эти проблемы заслуживают специального изучения.

В данной заметке нам представляется важным высказать некоторые общие раздумья, которые возникают при чтении книги о судьбах русской сказки и касаются главным образом тезисов, сформулированных в «Заключении». Некоторые из них звучат противоречиво и могут вызвать недоумение у широкого читателя, которого рецензируемая книга в целом безусловно заинтересует. Первый тезис «Заключения» логически вытекает из предшествующего анализа. Несмотря на свою «ирреальность», пишет автор, т. е. на вымышленность сюжетов, необычайность положений, «сказка живет во времени и в пространстве, явно, реагирует на современную ей действительность и тесно связана с историей, жизнью и бытом того народа, который ее творит, рассказывает и слушает. В ней не только отражена действительность доисторическая, средневековые обычаи и нравы феодальных времен и социальные отношения капитализма, но и действительность нашего времени» (стр. 202).

Не вызывает возражения и тезис о принципиальном отличии от литературы фольклорного повествования, всегда в значительной степени обусловленного традиционным началом.

Общепризнанным теперь уже можно считать также факт исчезновения (в некоторых местах полного, в других — частичного) устной эпической традиции в современную эпоху. Приобщение населения через школу, книгу, радио, кино, телевидение к высочайшим образцам национальной и мировой культуры, знакомство с разнообразными произведениями фольклора, в том числе и со сказкой, делают устную ее передачу излишней. И все-таки, несмотря на это, нельзя, мне кажется, согласиться с формулировкой второго тезиса «Заключения» о длительной, медленной деградации сказки, происходящей будто бы уже не только в последние десятилетия в связи с резким изменением условий жизни деревни, но и в течение ряда веков. «В XVIII—XX вв.», пишет исследовательница, только что проследившая и закрепившая в первом тезисе «Заключения» многообразную связь сказки с жизнью и прогрессивно изменяющимся в ходе истории мировоззрением народа, «перед нами процесс не продуктивного развития сказки, а постепенной, очень медленной ее деградации» (стр. 202).

«На протяжении XVIII—XX вв. сказка не являлась уже порождением современной ей действительности, а культурным наследием, лишь в незначительной степени подвергающимся воздействию новой действительности» (стр. 208). На стр. 217 речь идет о «деградации» сказки в устах талантливого сказочника второй половины XIX в. Новопольцева. Признаками деградации считается «насыщение сказки психологическими и бытовыми деталями, внесение в нее реалистических подробностей», «снижение ее „высокого штиля“» (стр. 217).

Эти утверждения звучат диссонансом с ранее высказанным тезисом о тесной связи сказки с изменяющейся жизнью и прогрессирующим сознанием народа.

Естественно, возникает вопрос, где же критерий для сопоставления, где та вершина в развитии жанра, тот идеальный образец, от которого сказка за последние двести лет, деградируя, отходила?

Думается, что для утверждения или отрицания тезиса о «деградации» сказки материала последних двух столетий ее существования недостаточно. Судить об этом возможно лишь изучив закономерности существования жанра на всем протяжении его развития у разных народов. Причем рассматривать придется каждый вид сказки отдельно, так как они возникали разновременно и, по разным причинам, сохранялись в более (сказки о животных, бытовые сказки) или менее (волшебные) стабильном виде.

Что касается сказки волшебной, возникновение которой исследователи справедливо относят еще к доземледельческому периоду, вида, претерпевшего в своем развитии наибольшие изменения, то здесь следует отделить типологические признаки вида, которые на протяжении многих веков сохранялись почти без изменения, от тех элементов, которые изменялись, можно думать, не только за последние два века (XVIII—XX), но и на протяжении предыдущих веков, пока волшебная сказка существовала в эпической традиции народов.

С этой точки зрения неправильно соединять при исследовании сюжет, мотив, образ, стилевые особенности, как это делается в некоторых положениях «Заключения» (стр. 203, 217). Уже давно установлено, что наиболее устойчивым признаком, повторяющимся в сказках разных народов и разных эпох, является сюжетная основа с присущим ей контрастным расположением образов. В статье «Фольклор и действительность»¹ В. Я. Пропп утверждает, что в основе эпических произведений фольклора ле-

¹ В. Я. Пропп, Фольклор и действительность, «Русская литература», 1963, № 3, стр. 62—84.

жат своеобразные, порождаемые архаическими формами мышления доземледельческой стадии представления о пространстве и времени, что этими же особенностями сознания древнейшей стадии объясняется отсутствие причинно-следственных связей, описаний и т. д.

Однако наряду с сохранением сюжетно-композиционных принципов в сказках всех народов мира мы наблюдаем и те элементы, которые сообщают им разнообразие и своеобразие.

Последовавшее за доземледельческим периодом развитие жизни, культуры и миросозерцания народов проявлялись в образах персонажей сказки, в окружающей их обстановке и стиле повествования. Появлялись элементы описания, мотивировки действия. Многие из тех изменений, которые автор книги наблюдает на материале русской сказки в XIX—XX в., могли возникнуть и возникали и раньше, разумеется, в соответствии с характером той или иной эпохи.

Ими-то и определяется то национальное своеобразие сказок разных народов, которое возникало в период феодализма и привлекало позднее деятелей искусства эпохи романтизма (златоверхие терема, дворцы, замки, цари, короли, черты местной природы в сказках европейских и восточных, северных и южных). Можно ли называть весь этот вполне закономерный для исторической жизни волшебной сказки (в устах всех народов) процесс изменения образов деградацией? Думается, что нет; правильнее называть его закономерной, исторически обусловленной трансформацией, в результате которой сказки каждого периода имеют свое лицо, а записи, сделанные через значительный промежуток времени от разных лиц, не идентичны.

Еще большие различия будут наблюдаться в стиле сказки, если его исследовать в исторической перспективе, пользуясь сравнительным методом. Вероятно, можно будет признать исторически закономерной трансформацией, а не «деградацией» и те изменения в способе передачи сюжета, которые наблюдала автор рецензируемой книги, анализируя записи последнего столетия.

Если утверждать положение о давней «деградации» сказки, возникают, естественно, и другие вопросы: как могла архаическая форма, созданная на основе примитивных форм человеческого мышления, в дальнейшем медленно затухавшая, привлечь внимание выдающихся мастеров искусств: А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, А. Н. Толстого, А. М. Горького, Гайка Христиана Андерсена и др., как могла просуществовать она в народной традиции до наших дней, вызывая живое сочувствие слушателей и рассказчиков, пользоваться популярностью в тяжелых фронтовых условиях Великой Отечественной войны? Что позволяло ей жить и быть одним из любимых жанров народной поэзии? Решение всех этих вопросов не под силу одному исследователю. Но разрешение их необходимо, и может быть не только для сказки, но и для некоторых других жанров фольклора.

В том же, что вопросы эти возникают при чтении книги «Судьбы русской сказки» — можно видеть еще одну заслугу ее автора.

И. Колесническая

В. Г. Ларькина. Орочи. М., 1964, 174 стр.

Работа В. Г. Ларькина «Орочи», вышедшая в издательстве «Наука», посвящена одному из самых малочисленных народов Севера нашей страны, живущему на Дальнем Востоке, недалеко от города Советская Гавань.

Преобразования в культуре и быте народов Севера, происшедшие в годы Советской власти, свидетельствуют об огромных возможностях, которые предоставляет советская государственная система для развития всех — больших и малых — наций и народов. Показ этих преобразований — задача современной этнографической науки. В последние годы опубликовано несколько работ, посвященных отдельным вопросам этнографии народов Севера¹.

В. Г. Ларькин поставил своей целью проследить изменения в хозяйстве, быте и культуре орочей с середины XIX в. до настоящего времени. Задача чрезвычайно акту-

¹ См., например, «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LVI, М., 1960; «Сибирский этнографический сборник», IV, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXVIII, М., 1962; «Сибирский этнографический сборник», V, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. 84, М., 1963; И. С. Вдовин, Очерки истории и этнографии чукчей, Л., 1965, и др.